

Ницше Фридрих

Генеалогия морали

Памфлет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Генеалогия морали: Памфлет / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2023. – 96 с.

ISBN 978-5-519-99910-6

ISBN 978-5-519-99910-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чески умная книжечка, въ которой я впервые ясно наткнулся на своеобразную английскую, разновидность генеалогическихъ гипотезъ на издѣлку, и это привлекло меня тою притягательною силою, какою обладаетъ все противорѣчащее, все противоположное. Заглавіе книжки было «Происхожденіе нравственныхъ воспріятій», авторъ д-ръ Павелъ Рэ (Paul Rée); годъ изданія 1877. Можетъ быть мнѣ никогда не приходилось читать что либо, гдѣ до такой степени, какъ въ этой книгѣ, на каждую фразу приходилось говорить про себя «нѣтъ»; но дѣлалось это безъ раздраженія и нетерпѣнія.

Въ указанномъ раньше произведеніи, надъ которымъ я тогда работалъ, при случаѣ я касался положеній этой книжки, не опровергалъ ея—какая мнѣ надобность опровергать!—а какъ подобаетъ положительному уму, ставя вмѣсто невѣроятнаго болѣе вѣроятное, а иногда и вмѣсто одного заблужденія другое. Тогда, какъ сказано, я впервые обнаруживалъ тѣ гипотезы о происхожденіи морали, которымъ посвящена эта работа, дѣлалъ это съ неловкостью, меньше всего желалъ бы я скрывать это отъ самаго себя, еще несвободно, не выработавъ еще своеобразнаго языка для этихъ своеобразныхъ вещей, часто отступалъ и колебался.

5.

Въ сущности я былъ занятъ тогда гораздо болѣе важнымъ вопросомъ, чѣмъ свои или чужія гипотезы о происхожденіи морали или вѣрнѣе, послѣднее было только однимъ изъ средствъ для достиженія опредѣленной цѣли. Для меня былъ важенъ вопросъ о цѣнности морали, а относительно этого мнѣ приходилось считаться только со своимъ великимъ учителемъ—Шопенгауеромъ, противъ котораго, какъ живого противника, и была направлена моя книжка, ея страсть и ея скрытый позраженіи. (Это было также полемическое сочиненіе).

Дѣло шло особенно о цѣнности «не эгонистическаго», объ инстинктахъ состраданія, самоотреченія, самопожертвованія, которые именно Шопенгауеръ такъ долго подкрашивалъ, боготворилъ, переносилъ въ потусторонній міръ, пока наконецъ они не остались у него какъ «самостоятельные цѣнности», которые и привели его къ отрицанію жизни и себя самого. Но именно къ инстинктамъ во мнѣ росла все болѣе глубокая подозрительность, скрытый скептицизмъ! Именно здѣсь видѣлъ я опасность для человѣчества, его высшую приманку и искушеніе—но къ чему? къ отрицанію? Именно здѣсь видѣлъ я начало конца, остановку, оглядывающуюся назадъ, усталость, возстаніе воли противъ жизни, нѣжно и уныло заявляющей о послѣдней болѣзни. Я понималъ, что все болѣе распространяющееся мораль состраданія, охватывающая даже философовъ и лишаящая ихъ здоровья, представляетъ ужаснѣйшій симптомъ нашей ужасной европейской культуры, кружиный путь къ новому буддизму. Къ буддизму европейцевъ? къ нигилизму?..

Это современное предпочтеніе и переоцѣнка философами состраданія нѣчто совершенно новое. До сихъ поръ философы были согласны именно въ отрицаніи цѣнности состраданія. Назову только Платона, Спинозу, Ля-Рошфуко и Канта, эти умы въ высшей степени различные, но согласные въ одномъ: въ низкой оцѣнкѣ состраданія.

6.

Эта задача о цѣнности состраданія и морали, построенной на состраданіи (—я врагъ позорной современной чувствительности—) кажется

чѣмъ то случайнымъ, сомнительнымъ; но кто становится надъ этимъ, кто поставитъ вопросъ,—тотъ испытаетъ тоже, что и я:—передъ нимъ открывается ужасная новая перспектива, возможность охватываетъ его, какъ головокруженіе, возникаютъ всевозможныя подозрѣнія, недоумѣнія, страхъ, колеблется вѣра въ мораль, всякую мораль. Наконецъ, возникаетъ новое требованіе. Выскажемъ его, это новое требованіе: намъ необходима критика моральныхъ цѣнностей, надо, наконецъ, усумниться въ самой цѣнности этихъ цѣнностей. Для этого намъ необходимо знаніе условій и обстоятельствъ, изъ которыхъ онѣ возникли, среди которыхъ онѣ развились и перемѣнились, знаніе, котораго до сихъ поръ не было и въ которомъ не ощущалось потребности, знаніе морали какъ слѣдствія, симптома, маски, лицемѣрія, болѣзни, недоразумѣнія, но также и морали, какъ причины, цѣлебнаго средства, извѣстнаго Stimulus, какъ тормоза, какъ яда.

Цѣнность этихъ «цѣнностей» принимали за данную, за фактъ, считали ее несомнѣнною; до сихъ поръ несколько не сомнѣвались и не колебались считать «хорошаго человѣка» болѣе цѣннымъ, чѣмъ «дурного», болѣе цѣннымъ въ смыслѣ успѣха, полезности, успѣшности по отношенію къ человѣку вообще (въ томъ числѣ и будущности человѣка).

Какъ? А если бы было справедливо обратное? Если бы доброе было бы симптомомъ регресса, а слѣдовательно представляло бы опасность, соблазнъ, ядъ, одурманивающее, посредствомъ котораго современность живетъ на счетъ будущаго? Можетъ быть житье удобнѣе, болѣе безопасно, но и въ болѣе мелкомъ стилѣ, пошлѣе?..

Не мораль ли виновна въ этомъ, что никогда не будетъ достигнута возможная сама по себѣ мощь и красота типа человѣка?

Не является ли мораль опасностью самую опасною изъ всѣхъ опасностей?..

7.

Довольно сказать, что самъ я, когда передо мной открылась эта перспектива, имѣлъ основаніе искать ученыхъ, смѣлыхъ и трудолюбивыхъ товарищей (это я дѣлаю и въ настоящее время). Необходимо изслѣдовать путемъ новыхъ вопросовъ и съ новой точки зрѣнія огромную, обширную и скрытую страну морали,—дѣйствительно существовавшей, дѣйствительно жившей морали. Не все ли это равно, что открыть вновь эту страну?..

Я думалъ при этомъ, между прочимъ, и объ упомянутомъ уже д-рѣ Рэ, такъ какъ не сомнѣвался вовсе, что самая природа его вопросовъ на толкнетъ его на правильный методъ, чтобы получить отвѣтъ. Ошибся ли я въ этомъ? Во всякомъ случаѣ я желалъ дать этому острому и безпристрастному взгляду лучшее направленіе, направленіе истинной исторіи морали и во время предостеречь его отъ англійскихъ безцѣльныхъ гипотезъ, уходящихъ въ голубую даль. Понятно вѣдь, какой цвѣтъ во сто кратъ важнѣе для генеалогіи морали, чѣмъ именно голубой:—нуженъ цвѣтъ сѣрый, я хочу сказать, документальный, могущій быть дѣйствительно установленнымъ, дѣйствительно бывший, однимъ словомъ вся длинная трудно расшифровывающаяся іероглифическая рукопись прошлаго человѣческой морали!

Это прошлое было неизвѣстно д-ру Рэ. Но онъ читалъ Дарвина. Такимъ образомъ въ его гипотезахъ по меньшей мѣрѣ забавно, что дарвиновская бестія и наисовременнѣйшій скромный нравственный вѣженка, которой «не кусается», подають вѣжливо другъ другу руку; послѣдній дѣлаетъ это съ выраженіемъ извѣстнаго добродушнаго и утонченнаго равно-

душія на лицѣ, къ которому примѣшивается доля пессимизма, усталости, какъ будто бы вовсе не стоитъ такъ серьезно относиться ко всѣмъ этимъ вѣщамъ—проблемамъ морали.

Мнѣ, напротивъ, кажется, что нѣтъ предмета, который болѣе вознаграждалъ бы серьезное къ себѣ отношеніе, вѣдь не малая напримѣръ, награда, заключается въ томъ, что со временемъ можно будетъ, быть можетъ, все до отнести къ морали. Веселость или, употребляя мою терминологию, радостная наука является наградой, заслуженной цѣною долгой, смѣлой, трудолюбивой и подземной серьезности, къ которой конечно способенъ не всякій. Въ тотъ день, когда мы отъ чистаго сердца можемъ сказать: «Впередъ! вся наша старая мораль протаяла комедія!» — мы откроемъ новое осложненіе и новую возможность для вакхической драмы «Участіе души». Она то сумѣетъ использовать ее, можно побиться объ закладъ, она, великій, старый, вѣчный сочинитель комедій нашего существованія!...

8.

— Если книга эта кому либо непонятна и плохо усваивается, то мнѣ кажется, вина въ этомъ падаетъ не обязательно на меня. Она достаточно ясна, при томъ конечно, условіи, которое я и имѣю въ виду, чтобы предварительно быти прочитаны мои другія книги и чтобы читатель при этомъ не пожалѣлъ труда. Тѣ книги дѣйствительно не легко доступны. Только того, напримѣръ, я признаю знатокомъ моего «Заратустры», кого когда-либо глубоко задѣло или, всегда либо глубоко восхитило каждое слово этого произведенія. Только въ такомъ случаѣ онъ воспользуется преимуществомъ стать благоговѣйнымъ участникомъ гальціонической стихіи, изъ которой родилось это произведеніе въ его солнечной яркости, широтѣ и достовѣрности.

Въ другихъ случаяхъ затрудняетъ форма афоризмовъ: затрудненіе въ томъ, что въ формѣ этой относятся слишкомъ легко. Афоризмъ, правильно отчеканенный и отлитый, требуетъ не простаго прочтенія, а «расшифровки». Здѣсь именно должно начинаться истолкованіе, для котораго требуется особое искусство.

Въ третьей части этой книги я даю образчикъ того, что я въ этомъ случаѣ называю «истолкованіемъ»:—этой части предшествуетъ афоризмъ, сама она комментарий къ нему. Конечно, чтобы пользоваться, такимъ образомъ, чтеніемъ, какъ и искусствомъ, необходимо прежде всего одно свойство, которое въ настоящее время основательнѣйшимъ образомъ забыто,—почему и «прочитаны» мои произведенія будутъ еще не скоро,—для этого нужно быть почти коровой и во всякомъ случаѣ не «современнымъ человекомъ»—необходимо пережевываніе...

Сяльсъ-Марія, Оберэнгадинъ,
іюль 1887.

ТРАКТАТЪ ПЕРВЫЙ.

„Добро и зло“, „хорошее и дурное“.

1.

— Англійскіе психологи, которымъ до сихъ поръ мы обязаны единственными попытками создать исторію происхожденія морали, представляютъ сами для насъ немалую загадку. И, какъ воплощенная загадка, признаюсь, они имѣютъ даже нѣкоторое преимущество передъ своими книгами—они сами интересны для насъ! Эти англійскіе психологи—чего они собственно хотятъ? Добровольно или по поволѣ всегда заняты они однимъ и тѣмъ же дѣломъ, они стараются постоянно выдвинуть на первый планъ *partie honteuse* ¹⁾ нашего внутренняго міра и наиболѣе дѣйствительное, руководящее, имѣющее рѣшающее значеніе для развитія ипсутъ именно въ томъ, въ чемъ менѣе всего это желала бы видѣть интеллектуальная гордость человѣка. (Напримѣръ въ *vls inertiae* ²⁾ привычекъ, въ забывчивости, или въ слѣпомъ и случайномъ сдѣленіи мыслей и ихъ машинальности, или въ чемъ либо чисто пассивномъ, автоматичномъ, рефлексивномъ, молекулярномъ и въ основѣ тупомъ). Что же толкаетъ этихъ психологовъ именно въ эту сторону? Тайный ли это коварный, подлый, быть можетъ, не сознаваемый даже, инстинктъ умаленія человѣка? Или пессимистическая подозрительность, недовѣрчивость разочарованныхъ, мрачныхъ, ставшихъ ядовитыми и позеленѣвшихъ идеалистовъ? Или это маленькая скрытая враждебность и *gaspine* ³⁾ къ христіанству (и Платону) не вступившая, быть можетъ, даже на порогъ сознанія? Или даже похотливый вкусъ къ странному, къ мучительно парадоксальному, къ сомнительному и безсмысленному въ бытіи? Или же наконецъ, всего по немногу, немножко подлости, немножко мрачности, немножко антихристіанства, немножко шекотки и потребности въ перцѣ?..

Но мы говоримъ, что это просто старая холодная скучная лягушка, которая ползаетъ и скачетъ вокругъ и внутри человѣка, какъ будто она тамъ исполнѣ въ своемъ элементѣ—въ болотѣ. Мы не хотимъ слышать, болѣе того, я не вѣрю этому; а если можно желать, гдѣ нельзя знать, то я ото всей души желаю, чтобы было наоборотъ,—чтобы эти изслѣдователи и микроскописты души были бы въ сущности смѣлыми, великодушными и гордыми звѣрями, которые умѣютъ обуздывать, какъ свое сердце, такъ и страданіе и воспитали себя къ тому, чтобы жертвовать истинѣ всеми желаніями своими, всякою истинѣ, даже простой, грубой, родливой, противной, нехристіанской, безиравственной истинѣ... Существовать вѣдь и такія истины.

¹⁾ Постыдную часть.

²⁾ Косности

³⁾ Злоба.

2.

И такъ полное уваженіе добрымъ духамъ, управляющимъ этими историками морали! Но несомнѣнно, къ сожалѣнію, что имъ чужды историческій духъ, что они покинуты именно всѣми добрыми духами исторіи! Всѣ они мыслятъ совсѣмъ не исторически, какъ это ужъ принято у всѣхъ старыхъ философовъ неисторически по существу. Убогость ихъ генеалогіи морали обнаруживается готчасъ же, когда рѣчь заходитъ о томъ, чтобы опредѣлить понятіе и сужденіе «добро».

«Первоначально—декретируютъ они—неэгоистическіе поступки хвалили и называли «добромъ» тѣ, кому они оказывались, слѣдовательно, кому они были полезны; въ послѣдствіи забыли источникъ этой похвалы и стали считать добромъ неэгоистическіе поступки вообще, какъ будто они были чѣмъ то хорошимъ, такъ какъ они обычно превозносились, какъ нѣчто хорошее».

Можно сразу замѣтить, что это отвлеченіе уже содержитъ всѣ типичныя черты идіосинкразіи англійскихъ психологовъ; мы имѣемъ здѣсь «полезность», «забываніе», «привычку» и въ заключеніе «заблужденіе», все это въ качествѣ подкладки оцѣнки, которой до сихъ поръ высшій человекъ вообще гордился, какъ своего рода преимуществомъ человѣка.

Эта гордость должна быть унижена, эта оцѣнка обезцѣнена: достигнуто ли это?.. Прежде всего я долженъ сказать, что теорія эта ищетъ и помѣщаетъ, собственно говоря, очагъ возникновенія понятія «добро» на невѣрномъ мѣстѣ. Сужденіе «добро» ведетъ свое начало не отъ тѣхъ, кому оказывается «добро»! Напротивъ, сами «добрые», т. е. знатные, могучіе, высокопоставленные и благородно мыслящіе считали и выставляли себя самихъ и свои поступки, какъ доброе, какъ нѣчто вышшаго сорта, въ противоположность всему низкому, низменно мыслящему, пошлому и плебейскому. Изъ этого чувства разстоянія они впервые извлекли себѣ право создавать цѣнности, чеканить названія цѣнностей. Какое было имъ дѣло до полезности! Именно съ такою выправкой вышнихъ, опредѣляющихъ степени вверхъ и внизъ оцѣнокъ, совершенно несовмѣстима и совсѣмъ неумѣстна точка зрѣнія полезности. Именно здѣсь чувство пришло къ противоположности той низкой степени тепла, которую предполагаетъ всякая разсчитливая разсудительность, всякій разсчетъ полезности—и не на разъ, не на часть, въ видѣ исключенія, но на продолжительное время.

Источникомъ контраста «хорошаго» и «дурного» является, какъ сказано, чувство знатности и разстоянія, продолжительное и преобладающее общее и основное чувство вышшаго господствующаго рода по отношенію къ низшему роду, къ чему то «низшему». (Право господъ давать имена заходитъ такъ далеко, что можно позволить себѣ считать источникомъ даже языка проявленіе власти господствующихъ: они говорятъ «это то-то и то-то», они запечатлѣваютъ извѣстную вещь и дѣйствіе звукомъ и тѣмъ самымъ вступаютъ во владѣніе ею). Такого рода происхожденіе доказываетъ, что слово «добро» первоначально не было вовсе съ необходимостью связано съ «неэгоистическимъ» поступкомъ, какъ предполагаетъ суевѣріе тѣхъ генеалоговъ морали. Напротивъ, именно при паденіи аристократическихъ оцѣнокъ человѣческой совѣсти постепенно навязывается весь этотъ контрастъ «эгоистическаго» и «не эгоистическаго».—этотъ, по моей терминологіи стадный и истинный, получающій тогда распостраненіе. Но и тогда еще долгое время истинникъ этотъ не достигаетъ еще такого господства, что моральная оцѣнка буквально зависить отъ этого контраста. (Это наиримѣръ имѣетъ мѣсто въ современной Европѣ. Съ безумной силой

«навязчивой идеи» царить предразсудокъ, будто «моральный», «неэгоистическій», «*désintéressé*» — понятія равноцѣнныя).

3.

Во вторыхъ: помимо исторической непримлемости рассматриваемой гипотезы происхожденія оцѣнки «добра», она страдаетъ психологическимъ внутреннимъ противорѣчiemъ. Предполагается, что источникомъ похвалы неэгоистическаго поступка была его полезность, и что это было забыто. Какъ возможно подобное забвѣніе? Можетъ быть въ извѣстное время прекратилась полезность подобныхъ поступковъ? Наблюдается совершенно противоположное: полезность эта, напротивъ была всегда обыденнымъ наблюдениемъ, т. е. такимъ явленіемъ, которое подчеркивалось непрерывно снова; следовательно оно не только не могло исчезнуть изъ сознанія, не только не могло быть позабыто, но должно было все рѣзче запечатлѣваться въ сознаніи.

Нѣсколько разумнѣе противоположная теорія, что впрочемъ, не дѣлаетъ ее истинной), представителемъ которой, напримѣръ, является Гербертъ Спенсеръ. Понятіе «добро» онъ считаетъ въ сущности равнымъ понятію «полезный», «цѣлесообразный», такъ что въ сужденіяхъ «добро» и «дурно» человечество будто бы суммируетъ и санкционируетъ именно не забывтыя и незабываемыя познанія о полезномъ — цѣлесообразномъ и вредномъ — нецѣлесообразномъ. Добро, согласно этой теоріи, то, что издавна оказалось полезнымъ, поэтому оно получаетъ значеніе, какъ «цѣнное въ высшей степени», какъ «цѣнное само по себѣ». И этотъ путь объясненія, какъ сказано, ложенъ, но по крайней мѣрѣ само объясненіе разумно и психологически пріемлемо.

4.

На правильномъ пути вывести меня вопросъ, что собственно обозначаютъ въ этимологическомъ отношеніи выраженія «добро» на разныхъ языкахъ. Я нашелъ, что всѣ они указываютъ на одинаковое превращеніе понятія, что всюду основнымъ понятіемъ является «знатный», «благородный» въ сословномъ смыслѣ, изъ котораго развивается съ необходимостью понятіе «добро» въ смыслѣ «душевно-знатнаго», «благороднаго», «душевно-высокопоставленнаго», «душевно-привилегированнаго»; развитіе это идетъ всегда параллельно съ другимъ, которое «пошлое», «плебейское», «низкое» въ концѣ-концовъ превращается въ понятіе «дурное». Краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ послѣдняго является само нѣмецкое слово «schlecht» (дурно), тождественное со словомъ «schlicht» (простой), которое первоначально обозначало безъ всякаго оскорбительнаго смысла простого человѣка, простолюдина ¹⁾ въ противоположность знатному. Приблизительно ко времени тридцатилѣтней войны, следовательно довольно поздно, смыслъ этого слова превращается въ современный.

По отношеніи къ генеалогіи морали это кажется мнѣ существенной справкой; такое позднее открытіе этого объясняется задерживающимъ вліяніемъ, которое въ современномъ мірѣ оказываетъ демократическій предразсудокъ на всѣ вопросы происхожденія. Это распространяется и на объективнѣйшую, повидимому, область естествознанія и физиологіи, что мы здѣсь только отмѣтимъ. По какой безпорядокъ можно внести этотъ предразсудокъ, разпущенный до степени ненависти, особенно въ области

¹⁾ Сравни на рус. древнее обозначеніе простолюдина словомъ «подлый» («подлые людишки») и современное понятіе «подлый».

морали в исторіи, доказываетъ извѣстный примѣръ Бокля; плебейство современнаго духа, которое англійскаго происхожденія, прорвалось здѣсь снова изъ родной почвы, необузданное какъ вулканъ, извергающій грязь, съ тѣмъ сдѣланнымъ, шумнымъ, пошлымъ краснорѣчіемъ, какимъ до сихъ поръ обильны все вулканы.

5.

Въ отношеніи къ нашей проблемѣ, которая съ большимъ правомъ можетъ быть названа *молчаливой* проблемой и которая доступна только немногимъ избраннымъ, весьма интересно установить, что часто въ тѣхъ словахъ и корняхъ, которыя обозначаютъ «добро», еще просвѣчиваютъ главные оттѣнки, на основаніи которыхъ знатные именно и считали себя людьми высшаго ранга. Хотя въ большинствѣ случаевъ они назывались своимъ указываютъ на свое превосходство, могущество (какъ «могущественные», «господа», повелители») или на видимые знаки этого превосходства, напримѣръ, какъ «богатые», «властвующие» (таково значеніе слова *αγαθός*; тоже самое и въ иранскихъ и славянскихъ языкахъ). Но они называли себя также и по *типичнымъ характернымъ чертамъ*: этотъ случай настъ здѣсь и интересуетъ. Они называютъ себя, напримѣръ, истинными; прежде всего греческая знать, пѣвцомъ которой былъ Мегерскій поэтъ Теогиисъ. Созданное для этого слово *ἐθικός* по своему корню обозначаетъ такого, который существуетъ, который обладаетъ реальностью, который дѣйствительно существуетъ, кто истиннъ: затѣмъ истинный въ субъективномъ смыслѣ, правдивый.

Въ этой фазѣ измѣненія понятія слово это становится лозунгомъ дворянства и цѣликомъ переходитъ въ значеніе «благородный», отличая его отъ *ложиваго* простолюдина, какъ его понимаетъ и описываетъ Теогиисъ. Наконецъ съ паденіемъ дворянства слово это остается для обозначенія духовнаго благородства и становится, такъ сказать, созрѣвшимъ и сладкимъ. Въ словѣ *καλός* какъ и *δαίς* (плебей въ противоположность *αγαθός*) подчеркнута трусость. Это даетъ быть можетъ указанія, гдѣ слѣдуетъ искать этимологическое происхожденіе имѣющаго много значеній *αγαθός*. Въ латинскомъ языкѣ *malus* (наряду съ которымъ я ставлю *melas*) могло обозначать простолюдина, какъ темно-цвѣтнаго, прежде всего, какъ черноволосаго («hic niger est»), какъ до-арійскаго обитателя италійской почвы, который яснѣе всего отличался цвѣтомъ отъ получившей господство бѣлокурой, именно арійской, расы завоевателей. Гальскій языкъ далъ мнѣ по крайней мѣрѣ, точно соответствующій случай—слово *fin* (напримѣръ въ имени Fin Gal) отличительное слово обозначающее дворянство, затѣмъ доброе, благородное, чистое, означаетъ первоначально бѣлокурого, въ противоположность къ темнымъ, черноволосымъ первобытнымъ жителямъ.

Кельты, между прочимъ, были безусловно бѣлокурой расой. Совершенно несомнительно ставить въ связь съ кельтическимъ происхожденіемъ и примѣсю крови тѣ полосы, главнымъ образомъ, темноволосаго населенія, которыя видны на болѣе подробныхъ этнографическихъ картахъ Германіи; ошибку эту дѣлаетъ и Вирховъ. Напротивъ въ этихъ мѣстахъ проглядываетъ еще *доарійское* населеніе Германіи. (То же относится почти ко всей Европѣ. Въ общихъ чертахъ, въ концѣ концовъ, покоренная раса получила преобладаніе по цвѣту, короткости черепа, можетъ быть и по интеллектуальнымъ и общественнымъ инстинктамъ. Кто можетъ поручиться за то, что современная демократія, еще болѣе современный анархизмъ и именно эта склонность къ «*communes*», къ первобытной общественной формѣ, общинамъ теперь всѣмъ социалетамъ Европы, не является ужасною отрыжкой

прошлаго — и что раса побѣдителей и господъ — арийцевъ показана и физиологически?..) Латинское слово bonus, я думаю, можно и толковать въ значеніи «воинъ», допустить, что я правъ, производя bonus отъ древнѣйшаго duonus (сравни bellum=duellum=duen-lum, — въ кот. слѣд. сдѣается мнѣ, содержится тоже duonus).

Отсюда bonus въ значеніи человѣка раздора, раздѣленія (duo), война: понятно, что въ древнемъ Римѣ значила въ человѣкѣ «добродѣтель».

Нѣмецкое «Gut» (добро, хорошій) не обозначаетъ ли «den Göttlichen» (божественнаго), человѣка божественнаго происхожденія? Не тождественно ли оно съ именемъ народа (первоначальнымъ дворянствомъ) Готтовъ? Подробныя обоснованія этихъ предположеній приводить здѣсь неумѣстно.

6.

Исключенія изъ того правила, что понятіе о политическомъ превосходствѣ всегда переходитъ въ понятіе о духовномъ преимуществѣ, не представляетъ и тотъ случай, (хотя и дающій поводъ къ исключеніямъ), когда высшая каста является въ то же время и жреческой и слѣдовательно для своего общаго обозначенія предпочитаетъ эпитетъ, указывающій на ея жреческія функціи. Здѣсь, напримѣръ, впервые въ качествѣ классового различія появляются понятія «чистый» и «нечистый» и изъ этихъ понятій также въ послѣдствіи развивается понятія «хорошій» и «дурной», уже не въ классовомъ смыслѣ.

Нужно впрочемъ остерегаться «того, чтобы съ самаго начала не брать эти понятія «чистый» и «нечистый» въ слишкомъ тяжеломъ, широкомъ или символическомъ смыслѣ: всѣ понятія древнѣйшаго человечества, напротивъ, понимались первоначально въ невообразимой для насъ степени грубо, неуклюже, узко, именно (и особенно) *несимволически*. Чистый человѣкъ въ первоначальномъ смыслѣ просто человѣкъ, который моется, человѣкъ, воздерживающійся отъ извѣстной пищи, котораго влечетъ за собой навозный болѣзнь который не спитъ съ грязными бабами простонародья, который чувствуетъ отвращеніе къ крови, — не больше, не многимъ больше!

Съ другой стороны, конечно, изъ самой сущности жреческой аристократіи вытекаетъ, почему именно здѣсь противорѣчія оцѣнокъ такъ рано могли принять опасный внутренній и острый характеръ. И дѣйствительно, благодаря имъ въ концѣ концовъ между людьми была создана пропасть, черезъ которую безъ дрожи не перешагнетъ и Ахиллъ свободомыслия. Въ такихъ жреческихъ аристократіяхъ съ самого начала есть что-то *не здоровое* и въ господствующихъ въ ней привычкахъ отвращенія къ дѣятельности, въ привычкѣ къ постоянному раздумью, прерываемому пароксизмомъ необузданнаго чувства заключается причина почти неизбежной у духовенства всѣхъ временъ интестинальной болѣзненности и неврастони. Но не приходится ли сказать, что изобрѣтенныя ими самими противъ этой болѣзненности цѣлебныя средства по своимъ послѣдствіямъ во сто разъ опаснѣе, чѣмъ болѣзнь отъ которой они должны излѣчиться? Само человечество хвораетъ еще отъ послѣдствій этой лѣчебной наивности духовенства. Припомнимъ, напримѣръ, извѣстныя формы діеты (воздержаніе отъ мяса), посты, половое воздержаніе, бѣгство «въ пустыню» (Вейртъ-Митчеленское изолированіе, конечно безъ послѣдующаго откармливанія и перенасыщенія, въ которомъ заключается лучшее средство отъ всякой истеріи аскетическаго идеала). А къ этому надо прибавить всю враждебную чувственности, тлетворную утонченную метафизику духовенства, его самогипнозъ на подобіе факировъ и брамановъ (причемъ браманъ фигурируетъ въ качествѣ стекляннаго шарика и *idée fixe*) и въ концѣ концовъ, слишкомъ понятное пре-

сущеніе съ его радикальнымъ лѣченіемъ — посредствомъ «ничто», (или бога:—потребность въ *unio mystica* съ богомъ—это стремленіе буддиста къ ничему, нирванѣ—я только).

У духовенства именно *все* становится опаснѣе; не только цѣлебныя средства и искусства, но и высокомѣріе, месть, остроуміе, распутство, любовь, властолюбіе, добродѣтель, болѣзнь. Съ нѣкоторой справедливостью можно во всякомъ случаѣ сказать, что на почвѣ этой *въ самой сущности, опасной* формы существованія чловѣка, формы священнической, чловѣкъ вообще сталъ *болѣе интереснымъ животнымъ*, что только здѣсь чловѣческая душа въ высшемъ смыслѣ достигла *глубины* и стала *злою*—а это вѣдь двѣ основныя формы превосходства чловѣка надъ остальными животными!..

Чловѣческая исторія была бы слишкомъ глупой шуткой безъ духа, который внесли въ нее безсильные: возьмемъ величайшій примѣръ. Все, что сдѣлано на землѣ противъ «знатныхъ», «могучихъ», «господъ», «властителей»—не заслуживаетъ вниманія въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали противъ нихъ *евреи*; евреи этотъ теоретическій народъ, который умѣлъ удовлетвориться радикальной переоцѣнкой цѣнностей своихъ враговъ и побѣдителей, слѣдовательно особымъ видомъ *духовной мести*. На это способенъ былъ только именно теоретическій народъ, народъ наиболѣе затаенной священнической мстительности. Аристократическое уравненіе цѣнности (хорошій, знатный, могучій, прекрасный, счастливый, любимый богомъ) евреи сумѣли съ ужасающей послѣдовательностью вывернуть на изнанку и держали за это зубами безграничной ненависти (ненависти безсилія). Именно: «только одни несчастные—хорошіе; бѣдные, безсильные, низкіе—одни хорошие, только страждущіе, терпящіе лишенія, больные, уродливые благочестивы, блаженны, только для нихъ блаженство; зато вы, вы знатные и могущественные, вы на вѣчныя времена злые, жестокіе, похотливые, ненасытные, безбожные, и вы на вѣки будете несчастными, проклятыми и отверженными»...

Извѣстно *кто* унаслѣдовалъ эту еврейскую переоцѣнку...

Относительно чудовишнаго чрезмѣрнаго почина, который проявили «евреями» принципиальнѣйшимъ изъ всѣхъ объявленій войны я напомнимъ положеніе, къ которому я пришелъ по другому поводу («По ту сторону добра и зла»), что съ евреевъ начинается *возстаніе рабовъ въ морали*: возстаніе, имѣющее за собою двухтысячелѣтнюю исторію, и которое теперь бросается въ глаза только потому, что оно было побѣдопосно:

8.

— Вы не понимаете этого? Вы не видите того, что потребовало двѣ тысячи лѣтъ, чтобы побѣдить?.. Этому нечего удивляться: въ *длинные лѣщи* трудно разсмотрѣть, охватить взглядомъ. Носомъ одно: на стволѣ того дерева мести и ненависти, еврейской ненависти—глубочайшей и возвышеннѣйшей, создающей идеалы, преобразующей цѣнности, ненависти, еврейской ненависти,—выросло нѣчто столь же персравненное, *новая любовь*, глубочайшая и возвышеннѣйшая изъ всѣхъ видовъ любви; на какомъ же inomъ стволѣ она и могла вырасти?..

Но не надо и думать, что она возникла въ качествѣ какъ бы отрицанія жажды мести, какъ бы контрастомъ еврейской ненависти! Нѣтъ, истинно какъ разъ противоположное! Любовь выросла изъ этой жажды мести, изъ этой ненависти, какъ его крона, какъ торжествующая все шире и шире развивающаяся на чистомъ солнечномъ свѣтѣ вершина этого дерева. Эта вершина стремилась такъ же неудержимо въ царствѣ свѣта и высоты къ цѣлямъ той ненависти, къ побѣдѣ, къ добычѣ, къ соблазну, какъ

вирин этой ненависти все глубже и жаднее выдвигались во все, что имело глубину, что было злымъ

Этотъ Иисусъ изъ Назарета.—воплощенное евангеліе любви, этотъ «Спаситель», несущій бѣднымъ, больнымъ, грѣшникамъ блаженство и побѣду—не было ли это именно искушеніемъ, въ самой жуткой и непреодолимой формѣ, искушеніемъ и окольнымъ путемъ именно къ тѣмъ *иудейскимъ* цѣностямъ и новшествахъ идеала! Развѣ не на обходномъ пути именно этого «Спасителя», этого кажущагося противника и разрушителя Израиля, іудеи достигли послѣдней дѣли своей высшей жажды мести?

Не было-ли чернымъ, тайнымъ искусствомъ истинно-великой политики мести, дальнозоркой, подпольной, медленной и предусмотрительной мести то обстоятельство, что самъ Израиль вынужденъ былъ объявить передъ всѣмъ міромъ смергнымъ врагомъ и распять на крестѣ орудіе своей мести, чтобы «весь міръ», всѣ противники Израиля могли бы безбоязненно идти на эту приманку? Да и можно-ли съ другой стороны при всѣхъ ухищреніяхъ ума вообще выдумать *болѣе опасную* приманку?

Можно ли изобрѣсти что-нибудь равное, столь же увлекательное, чарующее, оглушающее подобно губительной силѣ этого символа «святого креста», этого ужаснаго парадокса «бога на крестѣ», этой мистеріи невообразимой, послѣдней, крайней жестокости и самораспятія бога *для спасенія человѣка*?... Несомнѣнно одно, что до сихъ поръ Израиль своей *местью* и переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей *sub hoc signo*, торжествозвалъ постоянно надо всѣми другими идеалами, надъ всѣми идеалами *болѣе благородными*.

9.

— Но, что вы говорите еще о *болѣе благородныхъ* идеалахъ! Поко-рится фактамъ: Народъ побѣдилъ — или побѣдили «рабы», или «плебеи», или «стадо», или какъ вы пожелаете называть—если это произошло благодаря овражью, то исполать!—въ такомъ случаѣ никогда ни одинъ народъ не имѣлъ болѣе всемірно-исторической мисси. «Господа» уничтожены; побѣдила мораль, человѣка толпы. Эту побѣду можно считать въ то же время зараженіемъ крови (она переимѣшала народности)—я не возражаю; но отравленіе это несомнѣнно удалось. «Избавленіе» рода человѣческаго (именно «тѣ» «господъ») на лучшемъ пути; все видимо обдушено, охристианилось или опошлилось (дѣло здѣсь не въ словахъ!). Ходъ этой отравы по всему дѣлу человечества, повидимому не удержимъ, отнынѣ темпъ и движеніе его могутъ быть даже все медленнѣе, тоньше, незамѣтнѣе, обдуманнѣе—время вѣдь терпится... Имѣетъ ли церковь въ этомъ отношеніи еще *необходимую* задачу, вообще права на существованіе? Нельзя-ли обойтись безъ нея? *Quaeritur*. Кажется, что она скорѣе тормозитъ и задерживаетъ это движеніе, вмѣсто того, чтобы его ускорять? Именно въ этомъ могла бы быть ея польза...

Несомнѣнно, что церковь представляетъ нѣчто грубое, мужицкое, что противорѣчитъ болѣе нѣжному разуму, дѣйствительно современному вкусу.

Не должна развѣ она по крайней мѣрѣ стать немного немного болѣе утонченной?... Въ настоящее время церковь болѣе отталиваетъ, тѣмъ привлекаетъ... Кто бы изъ насъ былъ свободомыслящимъ, если бы не было церкви. Намъ противна не церковь, а ея лѣтъ... Помимо церкви и мы также любимъ лѣтъ...

— Это эпилогъ «свободнаго духа» къ моей рѣчи, честнаго звѣря, какъ онъ это неоднократно доказалъ, и вромѣ того демократа; онъ слушалъ меня до сихъ поръ и не выдержалъ, слыша меня молчащимъ. А мнѣ на этомъ мѣстѣ приходится много молчать.